

Культура. - 2002. - 21-27 февр. - с. 3

Проект Эрика Мосса свалился на нас как снег на голову

Страсти вокруг реконструкции Мариинского театра критики уже назвали самым громким архитектурным скандалом года. Вокруг неординарного проекта американца Эрика Оузена Мосса сломано немало копий. Его горячие сторонники утверждают, что это единственный шанс России выйти на передовые рубежи архитектуры. Его противники настаивают, что строительство предложенных Моссом "стеклянных куч" затянет нашу страну в позорную долговую яму.

О сложившейся ситуации мы попросили рассказать ее самого непосредственного участника — главного архитектора Санкт-Петербурга Олега ХАРЧЕНКО.

— Олег Андреевич, на ваш взгляд, сегодня еще уместно обсуждать архитектурные аспекты реконструкции Мариинского театра или эта история переместилась в политическую плоскость?

— Беда в том, что нам вообще не дали возможности обсуждать архитектурные аспекты. Проект Эрика Мосса свалился на наш город как снег на голову, презентация архитектурных предложений по реконструкции театра была организована в спешке, и диалога на ней не получилось. Дважды на ней подробно представлялся проект Эрика Мосса, а любые вопросы о том, откуда появился этот проект и каков статус мероприятия, участниками которого мы стали, жестко пресекались. Представители Госстроя все время пытались создать видимость того, что на наших глазах происходит сравнение двух вариантов — мощного полноценного проекта Мосса и слабого, откровенно бездарного российского проекта.

— Почему так получилось, что Мосс представил полноценный вариант реконструкции, а рос-

сийский архитектор Олег Романов лишь разработал общие положения будущего проекта?

— Это заблуждение — считать, что проект Эрика Мосса полноценен. Таким его пытаются представить сотрудники Госстроя. Система их доказательств строится на том, что Эрик Мосс, возможно, и не прав в чем-то, но зато мы совсем ничего не делали — все последние годы и конкретно в истории реконструкции Мариинского театра. При этом они делают основной упор на то, что впервые за много десятилетий России предлагаются достойной архитектуру. Я не хочу оценивать стиль, в котором работает Мосс, для меня важно другое: когда речь идет о реконструкции объекта культуры, архитектура не должна превалировать над технологией — наоборот, главное — это совершенствование функций театра, а не его внешний облик.

Техническое планировочное решение Мосса заключается в том, что он второй зал ставит на одну ось с существующим залом, поднимает его на три метра и объединяет обе сцены в одно простран-

О. Харченко

во, своеобразную арьерсцену. Это абсолютно не соответствует тем идеям, на которых основывается желание господина Гергиева построить новый театр.

— Но пресса и Госстрой настаивают на том, что именно Гергиев — главный сторонник работы Эрика Мосса.

— Я с огромным уважением отношусь к Валерию Абисаловичу. Он полностью погружен в творчество и ждет работать в обновленном театре. Я вот тоже читаю ноты и знаю, какие клавиши нажат, чтобы они зазвучали. Но Гергиев смотрит на нотный лист и слышит музыку. А у меня есть способность за чертежами видеть объемы, за планами — качество планировочных решений, эксплуатационные проблемы. И когда я смотрю на эскизы Эрика Мосса, у меня возникает естественный, может быть, примитивный, но жизненно важный вопрос: кто и как будет мять эти стеклянные машины, обозначающие завершение здания? Как на этих обратных фронтах будет лежать снег? И во сколько Гергиеву обойдется его ежедневная уборка? Ведь сегодня руководство Мариинки не тратит на фасады ни копейки — архитектура театра рождена этим местом, приспособлена именно для наших широт и нашей погоды.

Когда мы несколько лет назад начали обсуждать с Валерием Абисаловичем проблему реконструкции театра, мы договорились, что будем стремиться к максимуму. В конце концов нам представилось всего один шанс: использовать одновременно имя Гергиева, славу Мариинки и возможности города, чтобы создать современный театр. Совместно нами была разработана технологическая реконструкция. Она предусматривает, что старое и новое здания будут объединены мостом через Крюков канал, по которому можно свободно перемещать декорации. Быстро монтировать их и использовать на разных сценах позволит наличие девяти так называемых карманов и поворотный круг в новом здании при условии, что обе сцены находятся на одних и тех же отметках. Это своеобразный театральный хайтек, к которому давно пришли крупнейшие сцены мира.

Эрик Мосс в своем проекте этот опыт проигнорировал. У него сцены находятся на разных отметках, а это означает, что они фактически изолированы друг от друга. Зачем же тогда, спрашивается, вообще строить новое здание в непосредственной близости от старого, жертвуя каналом и целым кварталом?

— Трудно поверить в то, что столь известный и опытный архитектор работал без технического задания и фактически не знал, какие задачи решает в своем проекте.

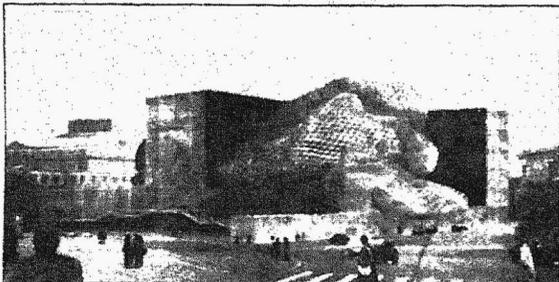
— И тем не менее это так. И виноват в этом не Мосс, но те, кто пригласил его. Незадолго до официальной презентации проекта я встречался с Эриком Оузеном и, в частности, показал ему техническое задание. Он был несказанно удивлен его наличием и вообще тем, что наш город уже несколько лет занимается проблемой реконструкции Мариинского театра. Не скрою, я пытался убедить Мосса и его менеджеров отказаться от презентации проекта, убедил, что показывать эскизы сейчас, когда не ясно даже, в какую сумму эта затея может обойтись, бессмысленно и вызовет лишь нездоровый ажиотаж в обществе. Так оно и получилось.

— Но сторонники проекта Мосса утверждают, что под имей этого архитектора западные инвесторы дадут любые деньги, тогда как реконструкция Мариинского театра за счет государства грозит превратиться в обычный долгострой.

— Это обман! Существует два разных проекта — реконструкция Мариинского театра и реконструкция Новой Голландии. Они сегодня объединены именем Гергиева и его идеей создания единой культурно-коммерческой зоны. Действительно, превращение Новой Голландии в яркий туристический продукт — предпринимательская коммерция. И когда говорят, что под Мосса выделят деньги, безусловно, имеют в виду этот проект. А Мариинский театр — государственная объект, реконструкция которого пройдет исключительно на бюджетные средства. Объем финансирования будет определен исходя из объема зрительского зала, который г-н Гергиев сочтет оптимальным. 30 — 50 тысяч долларов стоит одно зрительское место, так что в среднем около 100 миллионов готово выделить государство. Но объединять эти деньги с чьими-то еще невозможно, прежде всего потому, что театр — это не ресторан и не гостиница, и никак не сможет вернуть инвестиции. — Естественно, что государственные деньги должны выде-

ляться только после архитектурного конкурса, под проект победителя, которого определит компетентное жюри. В пресе без конца появляются сообщения о том, что конкурс уже объявлен. Причем сведения журналистов диаметрально противоположны: одни утверждают, что конкурс будет открытым, другие — закрытым.

— Конкурс может объявить только на федеральном уровне, поскольку Мариинский театр находится в его ведении. Объявление открытого конкурса означает, что за проектирование нового здания театра может взяться любой архитектор, имеющий лицензию. Это неизбежно повлечет за собой огромное количество проектов, очень различающихся как по стилю, так и по качеству. Но в основу каждого из них все равно должна лечь описанная технологическая схема. И если, скажем, г-н Мосс примет решение участвовать в конкурсе, ему, безусловно, придется переделывать свой проект. Заказчик конкурс организовать гораздо сложнее, но он эффективнее, ведь для участия в нем приглашаются только опытные, хорошо зарекомендовавшие себя архитекторы, знакомые с проблемой реконструкции объектов культуры. Конечно, Эрик Мосс будет в их числе. Главное в организации такого конкурса — гарантировать всем его участникам достойную оплату труда и реализацию проекта-победителя. Именно этим должны заниматься Госстрой и другие федеральные ведомства, а не лоббировать заведомо провальный проект и грозить изменением законодательства на любую нужную сторону. Безусловно, корректировать Закон об охране памятников можно, но строго в рамках принятых норм. В конце концов каждый город имеет право на свой собственный сценарий развития. Я, признаюсь, очень сожалею, что у нас нет полноценной современной архитектуры — одни лишь подражания и заимствования, но радикальная работа Эрика Мосса не решение этой проблемы, а ее усугубление.

Проект Э. Мосса